

И так во свеге все под властно будет нам:

А Человеку чем осталось забавляться?

Лису бобер спросил:

Сию Юпитер тварь всево тово лишил

И не дал нашева проворства Ей ни сил,

Единое ему в утеху он оставил,

Чтоб больше нашева своим разсудком правил,

И только кум

Ему оставлен ум.

Какая ж для него оставлена безделка!

Но Бобр лисе в ответ:

Ах! кумушка мой свет,

Худая будет нам со человеком сделка

И кончится конечно не добром.

Не осердись, что я слова промолвлю грубы:

Он будет лисьи шубы

Опушивать Бобром

* *
*

Я мню, что..... и сам ты скажешь то же,

Что силы разума, телесных сил дороже.

N. N.

Предлагаемые материалы Майкова, как и сумароковское письмо «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор», — еще одно свидетельство о философских спорах русских писателей середины XVIII века, к тому же почти вовсе не обращавшее на себя внимание наших исследователей.

В этой связи заслуживает внимания фигура Пассека. Может быть, это Петр Богданович Пассек (1738—1804) — один из активных участников переворота 28 июня 1762 года, либо один из его братьев — Василий, сведения о котором весьма скудны,⁵ или третий брат — Федор, о котором известен только факт его существования.⁶

Как указывалось выше, текст басни «Лисица и бобер» в майковских «Нравоучительных баснях» 1767 года имеет иную редакцию, чем в статье «Государь мой». Сопоставление обоих текстов с несомненностью свидетельствует, что текст 1774 года представляет авторскую доработку более ранней редакции.

В виде примера приведем два отрывка:

⁵ Русский биографический словарь, том «Павел-Петр», СПб., 1902, стр. 352, 359.

⁶ П. Долгоруков. Русская родословная книга, ч. I, СПб., 1854, стр. 174, № 234.